

À ñ
é ß

STARTER STORY • RUSSIAN • C2

Последняя ночная смена

Последняя ночная смена

Игорь Семёнович Вавилов заступил на последнюю ночную смену в Заречном музее изобразительных искусств тридцатого декабря, ровно за день до официального ухода на пенсию. Он проработал здесь сторожем тридцать лет, три месяца и, если считать точно, семнадцать дней, и почти всё это время провёл в одном и том же зале, на одном и том же деревянном стуле.

Зал номер четыре был самым тихим во всём музее: два окна во внутренний двор, десяток пейзажей местных художников девятнадцатого века и, на торцевой стене, единственная действительно ценная в этом собрании картина, портрет молодой женщины у окна, подписанный неразборчиво и приписываемый кругу малоизвестного провинциального живописца.

Табличка под картиной сообщала сухо и коротко: «Неизвестный художник (круг Н. Ф. Рогова). Девушка у окна. Холст, масло. Вторая половина девятнадцатого века. Поступила в собрание музея в 1958 году из частной коллекции».

Игорь Семёнович знал эту табличку наизусть и считал её самой неполной информацией, которую он когда-либо читал в своей жизни. За тридцать лет он говорил с этой женщиной больше, чем с любым живым человеком, включая, как он однажды признался самому себе в тяжёлую минуту, собственную покойную жену.

«Ну что, опять дождь», говорил он ей обычно в начале смены, снимая ватник и садясь на свой стул. Он придумал ей имя ещё в первый год работы, Вера, просто потому, что оно ей подходило, хотя ни один документ музея этого имени не подтверждал.

В восемьдесят девятом году, в свою первую зиму на этом посту, случилось наводнение: прорвало трубу этажом выше, и вода едва не дошла до зала номер четыре. Игорь Семёнович двое суток таскал вёдра и мебель, но картину снял со стены первой, ещё до того, как позвонил директору.

В девяносто третьем году, когда музей неделями не платил зарплату, а по городу ходили слухи о готовящемся ограблении богатых частных коллекций, он приносил из дома раскладушку и спал прямо в зале номер четыре, хотя это строго запрещалось инструкцией и трижды каралось выговором.

В ночь, когда умерла его жена Тамара, он был на дежурстве, потому что подменить его было некому, а звонок из больницы пришёл на служебный телефон музея в три часа ночи. Он досидел смену до утра, ни с кем не поговорив, кроме, как он потом вспоминал, женщины у окна.

«Вот и всё», сказал он ей тогда, не плача, потому что плакать при ней ему всегда казалось почему-то неуместным. «Теперь нас двое таких, кто ждёт у окна и никуда не идёт». Он просидел так до рассвета, глядя на её лицо, которое, как ему казалось, за эти годы научилось выражать сочувствие.

Коллеги знали о его привязанности к картине и относились к ней кто с усмешкой, кто с уважением. Молодая смотрительница Настя, проработавшая рядом с ним последние пять лет, однажды спросила его прямо, не жалеет ли он, что тридцать лет своей единственной настоящей привязанности отдал портрету, а не живому человеку.

Игорь Семёнович долго думал над ответом и в конце концов сказал, что живые люди уходят, забывают, меняются, а она тридцать лет была одной и той же, и в этом постоянстве было не меньше правды о любви, чем в любом браке. Настя не согласилась, но спорить не стала.

В свою последнюю смену Игорь Семёнович пришёл на час раньше обычного. Зал номер четыре встретил его привычной тишиной, батареи привычно потрескивали, а женщина у окна смотрела туда же, куда смотрела всегда, поверх правого плеча зрителя, в точку, которую Игорь Семёнович так и не научился определять.

«Последняя смена, Вера», сказал он вслух, хотя в зале, кроме него, никого не было. «Завтра тут будет сидеть кто-то другой. Обещали Настю перевести к тебе, из соседнего зала. Она хорошая, но говорить с тобой не станет, я думаю».

Незадолго до полуночи в зал зашла Настя, не по графику, а просто узнать, как он проводит последнюю смену. Принесла с собой папку, которую директор просил передать ему при случае: заключение реставрационной экспертизы по картине, проведённой месяц назад перед готовящейся выставкой.

В заключении, составленном сухим языком технической экспертизы, говорилось следующее: рентгенография холста выявила более раннюю композицию под верхним слоем краски, значительно отличающуюся от видимой; исследование пигментов датирует верхний слой не ранее чем 1920 годом, что делает атрибуцию девятнадцатому веку крайне сомнительной.

Иными словами, объяснила Настя, картина, скорее всего, была написана не в девятнадцатом веке, а веком двадцатым, вероятно, кем-то из учеников Рогова уже после его смерти, в подражание манере учителя, и без всякого документально подтверждённого прототипа для лица женщины у окна.

Игорь Семёнович выслушал всё молча, глядя не на Настю, а на картину. Тридцать лет он рассказывал себе историю о девушке из девятнадцатого века, ждущей у окна кого-то, кто не вернулся с войны или просто уехал в город и забыл написать. Оказалось, что даже эта история, возможно, была написана позже, чужой рукой, в подражание чему-то, чего никогда не существовало.

«Значит, ты не та, кем я тебя считал», сказал он ей наконец, тихо, почти с улыбкой. «Ну и что. Тридцать лет я разговаривал не с холстом и не с девятнадцатым веком. Я разговаривал сам с собой, глядя в твоё лицо, и мне кажется, это меня вполне устраивало все эти годы».

Под утро, перед самым концом смены, Игорь Семёнович снял со стены табличку с атрибуцией, которую заменят на следующей неделе новой, уточнённой, и подержал её в руках, как держат вещь, которую вот-вот придётся сдать. Потом повесил обратно, ровно так, как она висела все эти годы.

Настя проводила его до служебного выхода в семь утра. У двери он обернулся один последний раз, туда, откуда его уже не было видно из зала номер четыре, и сказал, скорее себе, чем ей: «Пусть Настя думает, что ты из девятнадцатого века. Тебе это, наверное, даже понравится больше, чем правда». Потом вышел на снег и больше в музей не возвращался.

OQOU STARTER LIBRARY

This story is from oqou's free starter library, graded at C2 for Russian readers.

Read it interactively in the oqou app: tap any word for an instant translation, listen with natural narration, and carry your saved vocabulary into every story you read next.

oqou.app

[Download oqou on the App Store](#)

oqou •